

ПОДНОЖКА

Михаэль
Бабель

Михаэль Бабель

Подножка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19147609

ISBN 9785447484507

Аннотация

«Существует связь между организованной преступностью и ведущими государственными деятелями в Израиле», – засвидетельствовал 13.11.2007 уходящий в отставку генеральный прокурор Эран Шендар. Засвидетельствовал из любви к искусству? Но искусство требует жертв. А чекисты не любят быть жертвой. Засвидетельствовал только о преступности, но не о кэгэбэ – высшей форме преступности. И я плачу, что нет моего Израиля.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Подножка

Михаэль Бабель

*Правдивая книга об израильском кэзэбэ,
который убивает Михаэля за его книги.*

Да здравствует свобода слова во Франции!

*С благодарностью за помощь: президенту,
премьеру, министру полиции, министру судов,
генпрокурору, госконтролёру, членам кнессета,
законодательной комиссии кнессета, чекистам.*

© Михаэль Бабель, 2016

© Альберт Змора, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Своими книгами я обязан тем, кто мешали мне жить, – двум кэзэбэ: один – там, один – здесь.

КГБ – это убийства, если одним словом. (М.Б.)

«Евреи хотят верить только хорошему о своей стране. Они не хотят знать правду». (Рав Кахане.)

И не оскверняйте страну, в которой вы находитесь, ибо кровь оскверняет страну, и стране не искупиться от крови, которая в ней пролита, разве только кровью проливавшего её. (Тора, Бемидбар, Масей, 36:33)

Глава первая

«22.4.2013, полиции Израиля. Один человек подходит ко мне раза два в неделю на улице, в автобусе, в синагоге, и так из месяца в месяц, и говорит вопросительно: «Ну, что с Нетаниягу?», «Ну, что с Кахане?», «Ну, что с полицией?»

Я человек честный, говорю ему то, что думаю.

Во всех следственных отделах давно известно обо мне всё.

Надоел он мне. И сказал ему: «Ты стукач».

И после этого он продолжил следовать за мной, даже в местных событиях пытался сесть возле меня, и я шёл на другое место.

В моём опыте с жалобами полиции о подобных преследованиях – это не уголовное дело.

И вот 19.4.2013 шёл я в синагогу к дневной молитве, а этот человек в нескольких метрах за мной, и он ещё прихрамывает, и я ещё прибавил оборотов. Но он побежал и поставил мне подножку.

И это не уголовное?

Но если это уголовное, то попрошу вас действовать в соответствии с законом.

Имя человека: Блюменфельд Авигдор. Адрес: улица «Телелим», дом 25, квартира 28, Рамот «Алеф», Иерусалим».

Эта жалоба для полиции. Но было веселее.

Щерился он и лыбился ещё издали, подходил заговор-

щицки, склонялся к моему лицу: «Ну, как с этим?» Его знания новостей опережали сообщения радио. Продолжалось это месяцами.

Когда я ему сказал, что он стукач, и пошёл от него, не сработала его человеческая реакция, за неимением таковой, а стукаческая реакция на это слово отсутствовала – не проходили они такого на занятиях по профессиональному совершенствованию.

Я удалялся, а он стоял на месте, руками взывал к небу, разводил в стороны, что-то бормотал. Потом медленно пошёл за мной, тянул руки ко мне, что-то говорил. Но я уже далеко, слов не разобрать.

Потом, при встрече в автобусе или на улице, он кивал мне головой, а я не смотрел на него.

Прошёл месяц.

Однажды я опаздывал на дневную молитву.

Перед моим домом деревья, которые я посадил, чтобы можно было уходить в леса, когда придут братья. За деревьями барак. С другой стороны барака, вдоль него, крутая дорога к синагоге.

Я спешил. Прошёл рядом с деревьями, рядом с баракком, тогда и увидел этого стукача.

Барак скрывал его от меня.

Ходит он не спеша, прихрамывает, а тут спешил и пыхтел. Мы должны были пересечься в конце подъёма. Там стояла легковая и два человека возле неё. Меня они видели от са-

мого моего дома. И его видели издалека и выводили точно на меня.

Чекист держал сумку, которой будет бить меня, когда повалит на землю. А двое возле машины будут за свидетелей, что я напал на него. Будет куча-мала, оба в серой пыли, кругом люди, середина дня.

Потом доказывай, что ты не верблюд.

Не только людям, но и суду.

Я прибавил обороты и выскочил на подъём впереди чекиста. Он побежал за мной и поставил подножку. Я споткнулся, но устоял и пошёл быстро дальше, не оглядываясь.

Он что-то сказал, но то был не извинительный голос, а грубый.

А как он ведёт вечернюю субботнюю молитву возвышенным, вдохновенным, ангельским голосом! Каждое святое слово звучит отдельным законченным произведением с изумительно длинным, бархатным окончанием.

И двести голосов вторят каждому его слову, образуя сказочный хор во славу Давшего субботу народу Своему.

И после праздничных домашних трапез, евреи спешат поздравить счастливую семью, в которой на этой неделе родился мальчик, а если родилась девочка, то навещают после утренней молитвы. И благословляют лёгкое угощение.

А этот чекист в первых рядах у стола. Насытившись, он набивает карманы разными орешками и семечками. Медленно протягивает руку к тарелке, берёт большую горсть и мед-

ленно тянет по столу к себе, выгружает в карман и протягивает руку к другой тарелке.

До подножки я бы только это дополнил к портрету отвлечённого чекиста.

Но чекист не действует самостоятельно, его действия направляет старший по званию, а того – старший над ним.

То есть государство.

Это государственное задание – поставить мне подножку.

Будет государственное задание прирезать меня – прирежет.

Подножка и ножик – уголовные дела.

Глава вторая

Прошло три недели от первой жалобы. Прежние жалобы по другим делам полиция закрывала моментально и не извещала о закрытии.

Подаю вторую жалобу:

«12.5.2013, полиции Израиля. 22.4.2013 подаю полиции жалобу.

И вот 11.5.2013, три недели после жалобы полиции, он подошёл ко мне и положил свою руку мне на плечо. Быстро пошёл от него.

После первой жалобы, полиция не защитила меня от угрозы моей жизни преступником, который на государственной службе. Теперь это прямая угроза государства мне».

В тот же день, я направил жалобы министру полиции и госконтролёру и напомнил им, что полиция может закрыть жалобу в двухнедельный срок и не сообщить жалобщику о закрытии.

26.5.2013 ответил госконтролёр: «Нет у управления общественными жалобами полномочия вмешиваться во мнение израильской полиции в деле способа работы с жалобами».

А «способ работы израильской полиции с жалобами» вот такой. Звонит некто Ёсиф, говорит, что он полицейский по Рамоту, это где я живу, и спрашивает: «Что случилось?»

Я отвечаю: «Один человек поставил мне подножку». Ёсиф: «За что?» Я: «Сказал ему, что он стукач». Ёсиф: «Не знаю об этом». Я: «Об этом в моих жалобах». Ёсиф: «Нет у меня жалоб».

Этот разговор подшивается к делу. Беззаконие.

Такой «способ работы с жалобами» в полиции. Беззаконие.

В этот незаконный «способ работы с жалобами» полиции не будет вмешиваться госконтролёр. Беззаконие.

Это беззаконие оставляет мне единственную возможность: жаловаться полиции о беззаконии полиции. Беззаконие.

7.7.2013, семьдесят дней после уголовного дела, ответил министр полиции:

«Обсуждаемое: Ваше письмо от 22.5.2013 к министру полиции».

Нет такого письма, есть моё письмо от 22.4.2013.

«Ссылки: Письмо Вам от 26.5.2013».

Не получил письмо полиции от 26.5.2013. Это значит, что дело уже замято полицией.

И текст, что в продолжение к их письму от 26.5.2013, которое я не получил, будет ответ на моё письмо от 22.5.2013, которое я не посылал и которое передано для обслуживания.

Это не первое не дошло до меня письмо полиции. Беззаконие.

Это не первые их ошибки. Беззаконие.

Их путаница – это система. Беззаконие.

А госконтролёр уже нашёл нужный пунктик в его полномочиях: «Если ответ полиции не удовлетворит вас и вы подробно изложите нам аргументы в этом, или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени, вы можете обратиться к нам и мы взвесим, есть ли место для разбирательства».

Где письмо полиции мне от 26.5.2013? Беззаконие.

Госконтролёр – крыша беззакония полиции. Беззаконие.

А что такое «в течение приемлемого отрезка времени» – неделя? две недели? месяц? полугодие? Беззаконие.

А время идёт. Как это было в полицейском отделении «Цион» в деле об украденных моих пулях к моему пистолету. Беззаконие.

Его украла у меня полиция в полицейском отделении «Мория». Беззаконие.

И меня лишили права на оружие. Беззаконие.

Так я пошёл сдать пули за их ненужностью. Пули у меня забрали, а меня выгнали. Беззаконие.

Министр полиции смылся от того дела, объяснив, что раз этим делом занимается госконтролёр, то ему в таком случае делать нечего, а дело было именно его: пять полицейских-преступников украли пули. Беззаконие.

А госконтролёр тянул время: сначала искал воров не в том отделении полиции, в котором украли, потом писал письмо, которое шло ко мне месяц, а потом объявил мне, что прошло

много времени, в полиции уже не помнят о воровстве, и он вынужден закрыть дело. Беззаконие.

Глава третья

12.8.2013 один человек рассказал мне, что ему позвонил Авиغدор, тот чекист, и просил сказать мне, что он меня не преследует, а любит, и что у меня хороший сын.

Так я думаю, что сейчас самое время устроить «хаву нагилу» не только с этим уголовником, но и с уголовниками, которые били меня в саду роз в Иерусалиме, и с командой убийц, которая в 2003 году устроила покушение на меня в зданиях Сапир в Иерусалиме, и ещё с двумя командами убийц, на приглашения которых я не клюнул, но уважить их тоже надо.

«Любит-не любит» стукача не интересно мне, а вот про «хорошего моего сына» мне очень интересно.

Министру полиции и госконтролёру, наоборот, будет интересно про «любит-не любит», и не интересно про «хорошего моего сына».

Потому что у меня есть преимущество перед ними: я вырос в Москве в районе Тишинских и Грузинских улиц и Белорусского вокзала, в огромном доме, в котором все когда-то сидели или будут сидеть.

Это преимущество из того государства кэзэбэ. Там, если человеку угрожали, намекали ему о хорошей его семье, это означало, что могут её прирезать.

Израильские карательные органы это айсберг: видимая

часть – полиция и невидимая часть – чекист оттуда.

От уголовного дела 19.4.2013 прошли 130 дней.

Полиция ссылается на письмо от 26.5.2013, которое я не получил, что мне уже ответили. И госконтролёр сошлётся, что мне ответили уже давно, и закроем это дело.

Поэтому я обратился к госконтролёру: «30.8.2013. Посылаю вам письмо из полиции, в нём написано о письме мне от 26.5.2013. Обязайте полицию показать это письмо и мне».

Госконтролёр ответил: «2.10.2013. Министерство внутренней обороны предоставило нам копию письма. Объяснено, что говорится о письме от 26.6.13 и по ошибке, в письме к вам от 7.7.13, написано, что дата письма была 26.5.13. Присоединена копия письма для вашего ознакомления».

Не послали. И дата не та.

А почему я должен верить тем, кто десять лет не верит моим жалобам, даже одной?

Письмо министра полиции: «15.10.2013. Дело №173761/13 открыто. При проверке свидетельств не найдено уголовное преступление. В свете этого, дело изъято из употребления».

Много месяцев играют в тёмную, обманывают, подделывают, скрывают, не показывают, подшивают некто Ёсифа и прочее враньё, добавляют фальшивые свидетельства, тянут время.

И вот выкинули в мусор последние жалобы по стандарту, как выкинули все жалобы за десять лет от покушения

в 2003 году.

Письмо госконтролёру: «26.11.2013. Через полгода после подачи жалобы об уголовном преступлении, получил стандартный ответ о закрытии моей жалобы.

После подачи жалобы об уголовном преступлении я напомнил госконтролёру, что полиция закроем уголовное дело по сценарию, который уже был и не раз.

Госконтролёр ответил: «Если ответ полиции не удовлетворит вас и вы подробно изложите нам аргументы в этом, или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени, вы можете обратиться к нам и мы взвесим, есть ли место для разбирательства».

Иду по пунктам ответа госконтролёра.

«Если ответ полиции не удовлетворит вас». – Не удовлетворил.

«И вы подробно изложите нам аргументы в этом». – Аргументирую: Подножка – уголовное преступление; подножка из-за спины человека может оказаться катастрофической.

«Или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени». – Не получал ответ полгода.

И ещё: Звонит некто Ёсиф, говорит, что он полицейский по Рамоту, это где я живу, и спрашивает: «Что случилось?» Я отвечаю: «Один человек поставил мне подножку». Ёсиф: «За что?» Я: «Сказал ему, что он стукач». Ёсиф: «Не знаю об этом». Я: «Об этом в моих жалобах». Ёсиф: «Нет у меня жалоб». – Это свидетельство? Это подшивают к делу?

«Вы можете обратиться к нам, и мы взвесим, есть ли место для разбирательства». – Вот обращаюсь».

Конец письма.

А пока госконтролёр думает, как закрыть это дело, порадуя членов кнессета.

Делом они не занимаются, только развлекаются – обзывают друг друга.

Теперь, по разрешению министра полиции от 15.10.2013, членам кнессета будет ещё одно развлечение – ставить подножки тем, кого обзывают.

Министр полиции согласен, что была подножка, согласен, что была подножка из-за спины, и согласен, что нет разницы между дружеской подножкой лицом к лицу и не менее дружеской подножкой из-за спины. Как в игре: угадай, кто я?

Поэтому, приятных игр в кнессете!

Но ни один член кнессета не ответил. Из-за этого неизвестно, в каких играх они убивали время.

Ответил госконтролёр, письмо от 5.1.2014: «Обсуждаемое: Ваше обращение от 28.12.2013. Мы подтверждаем получение вашего обращения. После рассмотрения его содержания вернёмся и объявим вам».

Странную вещь сообщает мне госконтролёр, что моё письмо было от 28.12.2013.

Но моё письмо было от 26.11.2013, на месяц раньше!

Вложить письмо от 26.11.2013 в конверт, на котором будет печать почты от 28.12.2013 – зачем мне тянуть время,

как тянет министр полиции?

В этом заинтересован и госконтролёр, который подыгрывает министру полиции тянуть время.

А я у них третий лишний.

26.11.2013 я отправил письмо госконтролёру и через несколько дней позвонил, получили ли письмо. Получили.

На месяц раньше, чем сообщают мне.

И с задержкой в месяц госконтролёр будет его рассматривать.

И вот, 27.2.2014, моя жалоба госконтролёру на госконтролёра: «Почему госконтролёр изменил дату моего письма от 26.11.2013 на 28.12.2013?»

Министр полиции и госконтролёр умаляют уголовное преступление – подножка: путают даты и адреса, тянут время, обращаются к никчёмным людям, изображают деятельность.

Так было со всеми моими жалобами.

И вдруг мне, врагу народа – подарок.

Письмо госконтролёра: «11.2.2014. Наше разбирательство выявило, что полиция решила ещё в день 22.4.13 закрыть дело по причине отсутствия уголовного преступления. При этом из-за ошибки (кто поверит в множество ошибок? – М.Б.), не послано вам, как требуется, сообщение о закрытии дела и вашем праве на обжалование. Вслед за нашим обращением в полицию, выяснилась ошибка, решено сделать выводы из происшествия, и послано вам сообщение,

как требуется, о закрытии дела 15.1.14».

Конечно, ничего не послали и не пошлют.

Конечно, никаких выводов не будет, кроме быстрее уничтожить врага народа.

Но какой подарок – в тот же час, что подал жалобу и покинул полицию, её бросили в мусорное ведро!

А как красиво все писали об их работе с жалобой о подножке! Беззаконие.

22.4.2013 моя жалоба полиции о подножке. И только 15.1.14 послано сообщение о закрытии жалобы и праве на обжалование.

А ведь полиция закрыла жалобу в тот же день.

Сообщение, которое не получил и не получу.

Госконтролёр и министром полиции – соавторы этого сценария.

Это будет жалоба о сценарии беззакония.

А у меня свой сценарий.

Глава четвертая

Я получил разрешение на пристройку одной комнаты, которая разрешена в табо всему району.

Начались встречи со строителями, во дворе, под моими окнами, с чертежами в руках, долгие обсуждения: как строить и за сколько.

По телефону договаривался с ними о встрече, под моими окнами, в назначенное время.

Вот тогда, точно в назначенное время, появлялась тоненькая девица, белокурая и ещё с другими признаками нееврейки. Их тьма не только в русских городах на Святой Земле, но и на центральной автобусной станции в Иерусалиме, в армейской форме.

Она вставала между столбами, на которых уже построена одна комната соседом подо мной. А моя комната будет над построенной, и мы смотрели вверх. Поэтому только мельком приметил, что девица держит телефон, но как-то странно, не сбоку от лица, возле уха, а перед лицом, и её руки с телефоном подпрыгивают.

Видел её два дня.

Мне бы сфотографировать её своим телефоном, ведь подножка – пустячок, по сравнению с фотографированием.

Но и фотографирование тоже пустячок.

Белокурая смерть ховалась точно у того столба в тенёчке,

где прежде, один раз, ховалась чёрная смерть.

Между смертями было несколько месяцев.

В день чёрной смерти я много занимался моими деревьями, которые посадил под моими окнами. Одним из дел было дать им воду из ведра. Я подошёл к дереву возле столбов. В тенёчке, прислонившись к столбу, сидел на корточках чёрный человек. От неожиданности я вздрогнул, затем дал кружку воды дереву и пошёл к другому дереву.

Я не видел, когда он появился.

Сидеть на корточках долгое время – умение восточного человека, у других народов ноги быстро затекают.

Мне пришлось ещё раз сходить домой за инструментами, он продолжал сидеть на корточках.

В следующий раз я пошёл от деревьев на дневную молитву, и когда зашёл за барак, где он меня уже не видит, поднялся к синагоге по склону, наверху которого получил подножку, позвонил в полицию.

Дневная молитва короткая, да я ещё поспешил закончить её раньше всех и побежал к дому.

Чёрной смерти уже не было. Я разглядывал место, где он прятался, сидя на корточках. Там же пряталась и белая смерть.

То же самое место выбрал тот же их офицер. Время прихода смертей и испарения чёрной смерти указывал тот же офицер, в руках которого все телефоны и мой.

Я разглядывал это место, оно было усеяно окурками.

Позвонил полицейский, что затрудняются найти меня. Я поспешил им навстречу, их было двое, с пушками, приклады готовы к бою.

Сказал им, что этого человека уже нет, показал место, где он прятался, показал множество его окурков, предложил взять их на экспертизу.

Моё предложение они не приняли, позвонили куда надо, немного постояли и пошли медленно обходить окрестности.

А подножка, правда, пустячок.

Кто прослушивает мой телефон, может сделать любую смерть: чёрную и белую.

И моя жалоба госконтролёру не о смертях белых и чёрных, которые крадутся за мной десять лет после покушения на меня в 2003. И скоро будет официальный ответ, что ни покушений, ни смертей нет в единственной демократии на Ближнем Востоке.

Моя жалоба от 28.2.2014 о прослушивании моего телефона, потому что сегодня убивает не тот, кто убивает.

А тот, кто прослушивает телефон.

В стране беззакония.

Госконтролёр ответил: «23.3.2014. Нам нечего добавить к тому, что писали вам в нашем письме от 11.2.14, и мы направляем вас снова к праву обжаловать, согласно закону, решение полиции закрыть дело».

Вот я и хочу, согласно закону, получить это решение полиции закрыть дело о подножке и видеть, согласно закону,

своими глазами, а не глазами госконтролёра, сообщение полиции о моём праве обжаловать решение полиции закрыть дело о подножке.

Получается, как в другом государстве кэзгэбэ, там сорок три года назад я участвовал в подобных сценариях: там тоже были карательные органы, тоже было что-то вроде госконтролёра, а я был третий лишний, которому не показывали всякие бумажки.

Это будет мой ответ госконтролёру по делу о подножке.

Но моя жалоба от 28.2.2014 не о подножке, а о дополнительном уголовном преступлении – прослушивание моего телефона.

Госконтролёр реагирует на это уголовное преступление круто: не открывает такого дела.

Это будет напоминание о моей жалобе о прослушивании моего телефона, письмо 16.5.2014.

24.6.2014 ответил госконтролёр, что ему не ясно, о чём моя претензия – не получил сообщение полиции о закрытии дела? И сообщает, что у меня есть право подать полиции просьбу увидеть материал.

Мой ответ госконтролёру стандартный, как в предыдущих жалобах на полицию:

«Только от госконтролёра узнал, что полиция закрыла жалобу о подножке в тот же день. Только от госконтролёра узнал, что полиция из-за ошибки не послала сообщение о закрытии дела и праве на обжалование. Только от госконтро-

лёра узнал, что в полиции решено сделать выводы из происшедшего». И стандартная предпоследняя фраза: «Мне жаловаться этой полиции на эту полицию?» И стандартная последняя фраза: «Смех и только, жаловаться госконтролёру, у которого меньше полномочий, чем у автобусного контролёра».

Но вот этого раньше не было: полиция делает выводы из происшествия.

Интересно проверить.

Глава пятая

Меир давно оставил наш район. Как-то он зашёл в наш дом учения. Когда дошёл и до меня, спросил про жизнь и что нового написал. Хотел сбегать домой, но у него не было времени ждать, показал на Майзелиша – через него передать. В тот же день я передал для Меира, а через несколько дней спросил, передал ли. Он повёл меня в лобби дома учения, показал на книжную стойку, на неё он временно положил мою книгу, и нет её.

Я смолчал и ушёл.

На стойку с умными книгами не кладут мои произведения, но это так, между прочим.

Спросить ребёнка, как пропала игрушка, скажет, что положил туда и покажет.

Детская отговорка.

Да и зачем чекистам ещё одна моя книга, когда только на почте не дошли до адресатов десятки моих книг?

Даже лучше передать, чтобы не засвечиваться.

Такое может быть только в большом учреждении, с большим штатом чекистов, которые не знают, кто и что делает.

С того дня я не обращал на стукача внимания, и он не проявлял ко мне внимания, чтобы не напороться на людях на мою неприязнь, которой не будет.

Раз, когда я за полночь возвращался в Рамот от домохо-

зыйки, она проверяла иврит книги «Пререкания-1», чекист ждал меня на платформе автобусной остановки Бар-Илан, держался за столб одной рукой и покачивался вокруг него, а я пошёл по самой кромке платформы, чтобы быть подальше от него.

В другой раз, вечером в субботу, я в одиночестве поднялся на очередной шалом-захар в полумраке подъезда. Он быстро скатился по лестницам сверху и страстно пожал мои руки.

А потом, в одну из суббот, в узком проходе между синагогами, шли мы навстречу друг другу, и я увидел его, только когда он резко протянул руку к моей руке, пожал её со словами «шалом шалом», и я ответил пожатием. За ним шли женщина и девушка, и по их совместному шагу уловил, что они его жена и дочь. Это успел уловить в короткое мгновение до пожатия рук, и ещё сверкнула мысль не обидеть женщин: рука действовала инстинктивно – и возлюби ближнего, как самого себя. А он не ближний твой, а чекист. Но уже не было времени на команду руке – не отвечать на пожатие.

И всё-таки я доволен, что первой была мысль не обидеть женщин.

Когда я начал посещать новый урок перед утренней молитвой, а чекист молится утром в другом месте, то он зашёл на урок три дня подряд, ровно столько, чтобы доложить о моём новом постоянном уроке. Задание он выполнил и больше не заходил.

Всё сгодится, чтобы выбрать способ, время и место уничтожить врага народа.

Моё знание о чекисте не влияет на работу отдела по уничтожению врагов народа. Чекист продолжает стучать и разоблачать себя.

Не влияло и прежде моё знание о десятках других стукачей, они продолжали стучать, разоблачая себя.

Не влияло и разоблачение стукачей другими людьми в разных местах и в разные времена.

Всё государство стукачи – выбирай лучших.

Набор в стукачи объявляют в прессе.

Разоблачение стукачей не тревожит отдел и не интересует общественность.

Все знают про стукачей.

Все знают, что убивают.

Если родственники и друзья убитых не боятся заявить, что убийство дело рук не арабов, то это заглушает пресса.

И тогда протестуют тихо: не допускают на похороны прессу.

Стукач важная часть убийства.

С этим же стукачом случай вышел из-за моего дружеского кивания головой всем в округе. В синагоге он спускался по лестнице, а я поднимался и, не разглядывая, машинально кивнул. Он тоже кивнул. Только тогда увидел его испуганное лицо. Наверное, и моё было испуганное.

Через два дня при встрече с ним в синагоге на меня смот-

рело его испуганное лицо, но я не кивнул.

Наверное, испуган не из-за кивка моего, а что попал в эту книгу. Она ложится к концу дня у них на стол, и ему сказали.

И как ему теперь жить? А у него ещё жена, дети, внуки.

Это и мой ежедневный вопрос, но с волнением не за себя, а только за жизнь моих детей и внуков.

Конечно, как и другие, требует от старшего офицера уничтожить меня немедленно.

Почувствует большое облегчение, когда меня уничтожат.

Вознесёт благодарственную молитву?

Глава шестая

Однажды в субботу после шалом-захар, я возвращался к себе. Впереди был подъём к моему дому, а наверху стоял человек, в слабом свете фонаря. Догадался, что это Израэль Вайсенштерн.

Стоит на удобном месте, просматриваются все подходы к моему дому, чтобы не пропустить меня. Для меня это прямая дорога домой. А его позиция никак не оправдана. Его дом в обратном направлении от моего продвижения.

Поздним вечером, в темноте, не идут длинной дорогой на шалом-захар, когда есть короткая.

И с ним три маленькие девочки – для театрального реквизита и подкрепиться лёгким угощением.

Тем более, с малышами не идут длинной дорогой, да ещё в поздний час.

Встреча со мной запланирована заранее и безошибочно, потому что шалом-захар в этот вечер единственный.

Это для встречи он сделал приличный крюк.

Несколько месяцев ранее, он подстраивался под меня ходить вместе по всем шалом-захар в тот вечер. И пару раз тогда двумя руками тянул меня к себе за мою короткую бороду, как бы целуя.

Такое приручение позволит произвольно пырнуть ножом.

Начал он приручать меня давно.

Я приветлив со всеми и с теми, кто, при случайной встрече, пристально изучают небо или пристально изучают землю.

А он ничего не изучал, а бросал на меня короткий свирепый взгляд и вымещал зло в сторону. У верующих евреев такое не бывает.

Так продолжалось долго. Но однажды он ответил улыбкой, а я был доволен собой. Потом мы приветствовали друг друга. Но через раз он фокусничал. Я протягиваю руку для рукопожатия, а он хватает большой палец или дёргается в сторону, или обнимает меня.

Потом было обычное: «Чем ты занимаешься?» – «Пишу». – «Что пишешь?» – «О жизни, несколько книг написал». – «Дай почитать». – «Тебе одну?» – «Давай все». – «Сейчас принесу». – «Только не сейчас».

Он не знал, как дальше реагировать.

От разговора о книгах прошло много месяцев.

И, правда, кому нужны мои книги! Кроме чекистов. И то не всегда.

Мы поравнялись, я приветствовал его с субботой и пошёл дальше. А он сказал: «Ты пойдёшь навестить маму?» Я остановился, долго не понимал его вопроса, и очень удивлённый сказал: «Она несколько лет, как умерла». Он сказал, что знает об этом. «Конечно, – сказал я, – пойду на кладбище».

Кто помнит чьи-то даты? Да ещё такие!

Говорили спокойно и разошлись.

Но так не говорят «навестить» покойного. Навестить можно только в загробном мире, который наступает вслед за гробом.

Намёк?..

На выходе следующей субботы он вёл молитву в нижнем зале, закончил её и пошёл к выходу. Люди тоже тронулись со своих мест к выходу. Он мог пройти только возле меня, я подождал его. Свиренное лицо проходило рядом со мной, не видя меня.

Наверное, ему сказали, что он уже в этой книге.

Я спросил, не ёрцайт ли у него.

У кого будет ёрцайт на предстоящей неделе, ведёт молитву на исходе субботы, но не говорит кадиш.

В эту минуту кто-то начал кадиш, а он приставил к лютому рту палец, мол, молчат во время кадиша. Упрёк правильный, но злобный.

Нет такого в наших краях вообще, а тем более в святом месте, да ещё во время молитвы.

Следующими шагами он пересёк говорящего кадиш. Я поспешил за ним и на ходу говорил: «Ты учишь меня молчать во время кадиша, а сам пересекаешь говорящего кадиш?»

Не глядя на меня, он жестоко кивнул головой.

Такой чирикнет ножичком.

С его стороны оказалась дверь в туалет и он нырнул туда.

После короткой молитвы не идут в туалет, а спешат домой

рядом.

Но из-за нервного моего голоса, он испугался, что на этом я не остановлюсь и закричу, что он стукач. И он спрятался в туалете.

Но разве я такой!

Бывший советский пионер, честный комсомолец, порядочный беспартийный, правильно держу вилку и нож, ем курицу руками. Да ещё еврейское правило – не злословить. Чтобы человек не побледнел, что приравнивается к пролитию крови.

Мне-то они пустят кровь, не думая ни о чём еврейском.

А через неделю утром в комнате синагоги, там получасовой урок перед молитвой, он низко наклонился над книгой, как бы глубоко погрузился в учёбу. Знал, что я приду на урок первым, принесу книги для нескольких учеников, и буду единственным в комнате. Удобно понаблюдать, как я себя чувствую после происшествия неделей раньше.

То была инициатива старшего офицера. Если бы пришёл на следующее утро – инициатива его.

Я разложил принесённые книги по столам, поставил раву стендер, положил на него книгу для рава, раскрыл на сегодняшней странице, поставил раву стул.

Чекист встал и вышел.

Если всех стукачей описывать, не будет конца этой книге.

Глава седьмая

Только ещё про одного.

Использовал его, как связного.

К моему хлебному магазину в середине улицы Агрипас, напротив рынка, я выхожу из автобуса в начале улицы, и иду пешком, из-за вечной пробки на ней.

Вышел из автобуса, думаю своё, а меня окликают по имени. Человек с широкой улыбкой, сияющими глазами говорит мне: помню ли я его на уроках рава Ицхока Зильбера, он Шломо, а кто не знает Михаэля Бабея!

Лицо знакомое, но разве всех упомянуть за те давние годы? Многие прошли через уроки Торы Учителя. Сидели тесно за столом, на диване, примостились на стульях, так что было не пройти. Стукачей было не меньше, чем не стукачей, чтобы услышать не слова Торы, а «эти могут такое, что вы не можете себе даже представить». Учитель честно добавлял, что так поучал его, неопытного, когда он ещё только приехал, другой рав.

Я улыбнулся Шломе, пожал ему руку и пошёл за хлебом.

Через несколько дней я снова вышел на той остановке за хлебом. Шломо меня ждал.

– Как твоя жизнь? – спросил он радостно.

А я подумал, что мне представился удобный случай.

– Меня скоро убьют, – сказал ему.

Он продолжал профессионально улыбаться и сиять.

Поэтому я спросил его весело:

– Ты знаешь, что убивают?

Он сделал руками, как будто взял баскетбольный мяч и покрутил его, как перед броском.

– Всё времени не было. – Он смотрел на мяч и крутил его. – То работа, то детишки. Но сейчас, когда они подросли...

Он не кончил и улыбался и сиял мне. А я улыбался и сиял ему.

Мы расстались с чекистом со счастливыми лицами от выполненной каждым своей задачи.

Он-то передаст, что не боюсь.

По доносам чекистов убили и Учителя.

Он всю свою жизнь только бежал, взлетал на последний этаж, обгонял всех помочь людям.

Ему, в его шестьдесят шесть молодых лет, сделали что-то с сердцем, и он не мог подняться на одну ступеньку. Обычно, такой долго не жилец.

А он продолжил бежать и взлетать – помогать людям. Такого не бывает у сердечников.

И его продолжали убивать. А он бежал и взлетал ещё двадцать один год.

Он не был сердечником.

Через сердце его убивали.

Глава восьмая

Покушение на меня в 2003 году было за три дня до передачи первой трилогии в печать – настолько мешали книги: «Мой Израиль», «Мудаки», «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Но пока мои книги не были нужны, окончательная расправа задержалась.

Потом интернет-чекисты долго дурачили меня-чайника, это тоже задержало расправу со мной.

А тут я сам ставлю мои книги, одну за другой, на полку интернетного магазина «Амазон» в захваченном чекистами интернете, как захватили они все средства связи, издательства, сети книжных магазинов – всю пропаганду и промывание мозгов.

Такой прыти в их интернете, с моей не разрешённой пропагандой, чекисты не ожидали.

И 21.12.2014 некто позвонил мне, что придёт посмотреть квартиру в одиннадцать ночи.

Я сдаю часть моей разделённой квартиры. В объявлении написано, что сдаётся только молодожёнам.

В моём районе проживают изучающие Тору. Множество синагог и домов учения, многие учатся без перерыва до одиннадцати ночи.

Сказал ему, пусть приходит.

Я сдаю уже несколько лет, и не было приходов в такой поздний час.

В 22:24 позвонил неизвестному, сказал, что уже поздно и чтобы пришёл завтра.

Он спросил, можно ли сейчас прийти.

Обратил внимание, что он говорил в очень тихом месте, но там, где учат Тору, шумно.

А если он не в месте учёбы и может прерваться, нет причины приходить так поздно.

Сказал, чтобы пришёл завтра.

В 23:40 позвонил в полицию, по номеру 100, передал слово в слово о разговоре с неизвестным.

Дали мне номер телефона, по которому можно выяснить про номер телефона неизвестного.

И по этому номеру повторил весь свой рассказ, но там отказались проверять номер неизвестного и сказали подать жалобу в полицию.

Снова позвонил по номеру 100, там тоже сказали подать жалобу.

Утром позвонил неизвестному, извинился, а он сказал, что придёт в 13:30.

В 13:53 позвонил неизвестный. В это время я вышел из местного магазина и спросил его, где он.

Ответил, что он рядом.

Снова спросил его, где он и местный ли он.

Ответил мне, что он местный и находится в магазине.

Если я сейчас дома и жду его, для чего мне знать, что он в магазине?

Значит, знает, что я только что вышел из магазина.

А для чего он там, если идёт ко мне, да ещё опаздывает?

Показать мне, что он местный, без уточнения места проживания. Показать, что всё в порядке.

Сказал ему, что я только что вышел из магазина и подожду его.

И вот чекист вышел.

Вышел с пустыми руками от покупок.

Но где его хотя бы маленький мешочек, хотя бы с чем-нибудь, что купил в магазине?

Не первый раз подводит чекистов их жадность.

Или неряшливость убийц местной мафии, которая получила государственное задание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.